

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цепя любви
Дом, в котором нст тебя
Мужские капризы
Женские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прсерий
Сопротивление бесполезно

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивная нессста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки
Фся Альп
Первые ласточки
Капризы юной леди
Любовь юного повссы
Дорогой цепой

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будст...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая дсвочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Провсрка разлукой
Хочу «Оскар»!

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Дорогой ценой

МОСКВА
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В35

Elisabeth Werner
UM HOHEN PREIS

Перевод с немецкого *Т. Моисеевой*

Художественное оформление *С. Власова*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Majdanski, auremar, stockphoto mania / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Вернер, Элизабет.

В35 Дорогой ценой / Элизабет Вернер ; [пер. с нем. Т. А. Моисеевой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-86185-9

После неожиданной встречи в лесу Георг понимает, что уже никогда не сможет забыть Габриэль. Ее очарование пленит его сердце навсегда. Как жаль, что их любви не суждено случиться, ведь девушка — богатая баронесса, а он лишь бедный мещанин. Ради счастья Георг готов пойти на самые отчаянные поступки. Но он даже не догадывается, какую высокую цену ему придется заплатить.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Моисеева Т.,
перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-699-86185-9

ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Под ярким летним солнцем раскинулась бескрайняя гладь озера. В ней как в зеркале отражался город, живописно раскинувшийся на его берегу. Далеко на горизонте, на фоне голубого неба, рельефно вырисовывались зубчатые вершины гор, покрытые снегом.

Среди особняков и садов предместья приютился небольшой домик — одноэтажное строение, скромное снаружи и, по-видимому, не скрывающее в своих стенах особой роскоши. Единственным его украшением казалась открытая веранда, увитая побегами дикого винограда. Однако благодаря светлым стенам и темно-зеленым жалюзям на окнах домик выглядел очень милым, просто игрушечным.

Вдоль веранды, скрываясь в тени от жарких солнечных лучей и оживленно беседуя, прохаживались двое мужчин. Старшему было лет пятьдесят, но он казался еще старше, потому что ходил сильно сутулясь. Да и волосы его были совсем

седыми. Глубокие морщины на лице свидетельствовали о сильных переживаниях, а может, и о страданиях в прошлом. А глубокие складки в уголках тонких губ, полные не то горького сожаления, не то злобного сарказма, придавали его лицу почти отталкивающее выражение. Однако в глазах мужчины еще блестел огонь, который не могли потушить ни годы, ни испытания.

Собеседник его, стройный, среднего роста человек с привлекательными чертами лица и серьезным взглядом голубых глаз, был еще молод. На его высокий чистый лоб падали светло-каштановые волосы, легкая бледность лица не имела в себе ничего болезненного, а лишь указывала на напряженную умственную работу. Лицо молодого человека выражало спокойную твердость, весьма редко встречающуюся в двадцатисемидвадцативосьмилетнем возрасте.

— Итак, Георг, вы уже хотите покинуть нас? — спросил старший, и в его голосе послышалось сожаление.

— Уже? — усмехнулся молодой человек. — По-моему, господин доктор, я и так слишком долго злоупотреблял вашим гостеприимством. Я никак не думал пробыть у вас несколько недель; но вы приняли меня, чужого человека, связанного лишь университетской дружбой с вашим сыном, как близкого, любимого человека. Такой сердечности я никогда...

— Только без благодарностей за то, что мне самому доставило большое удовольствие! — пре-

рвал доктор. — Боюсь лишь, как бы вам не пришлось раскаяться. Едва ли ассессору Винтерфельду легко простят то, что он остановился у нас. Вы помните, я предупреждал вас, что пребывание в моем доме может повредить всей вашей карьере.

Это предостережение, произнесенное ироническим тоном, заставило молодого Винтерфельда слегка покраснеть, и он с живостью ответил:

— Мне кажется, я уже имел случай доказать вам, что сумею оградить свою самостоятельность при любых обстоятельствах. Надеюсь, мое положение не обязывает меня избегать дружеских отношений совершенно частного характера.

— А я убежден в совершенно противоположном, — возразил доктор. — Впрочем, это выяснится по вашему возвращении. Не забывайте, Георг, что вы работаете под начальством Равена.

— Не думаю, чтобы мой начальник заботился о том, как его чиновники проводят свой отпуск, — спокойно заметил Георг. — Правда, он неумолимо строг в отношении всего, что касается службы, но никогда не вмешивается в частную жизнь своих подчиненных. Хотя я и не принадлежу к числу друзей господина Равена, однако должен отдать ему справедливость. Вам ведь известно, что я решительный противник представляемого им направления, а следовательно, и его личный противник, хотя в качестве подчиненного пока еще осужден на молчаливое повиновение.

— Пока еще? Уверяю вас, Равен еще долго будет принуждать вас к такому повиновению и,

если вы не проявите желания постичь его науку, постарается придавить и уничтожить вас. Таков стиль всех презренных выскочек.

Георг серьезно покачал головой:

— Вы преувеличиваете. У барона много врагов, и, я думаю, немало людей втайне питают к нему неприязнь и даже ненависть, но презирать его, вероятно, никто еще не осмелился.

— Тем не менее я делаю это, — горячо воскликнул доктор, — и имею для того достаточно оснований.

Молодой человек молча взглянул на него, а затем сказал:

— Господин Бруннов, простите мне, может быть, нескромный вопрос: что произошло между вами и моим начальником? Услышав только его имя, вы проявляете такое горькое раздражение, которое едва ли вызвано лишь разногласием в политических убеждениях. Вы хорошо знаете его?

— Когда-то в молодости мы были друзьями, — глухо проговорил Бруннов.

— Как? — воскликнул Георг. — Вы и...

— Его превосходительство барон Арно фон Равен, губернатор Р-ской провинции, любимец теперешнего правительства, — закончил доктор, с резкой насмешкой подчеркивая свои слова. — Не правда ли, это удивляет вас?

— Разумеется; я не подозревал ничего подобного.

— С тех пор прошло более четверти века. Тогда его звали просто Арно Равен, и он был также

беден и неизвестен, как и я сам. Мы учились в бурное, полное волнений время, и нас сблизила принадлежность к одной и той же партии. Равен, обладавший недюжинным умом, блестящими способностями и неутомимой энергией, вскоре стал нашим вождем; мы со слепым доверием следовали за ним, в особенности я, потому что я любил его, как никого на свете. Он был моим кумиром, на который я взирал с восторженным благоговением, моим идеалом, словом — всем... До того дня, когда он предал меня и нас всех, пожертвовал честью ради честолюбия и продался душой и телом нашим врагам, ценой нашей гибели купив блага себе... Умники, никогда не испытывавшие разочарования, ни разу не пережившие минут отчаяния, называют меня человеконенавистником. Но если это и так, то я сделался им с того самого дня, когда вместе с другом потерял и веру в людей.

Доктор стремительно отвернулся; видно было, как бушевала кровь в этом человеке при одном воспоминании о прошлом.

— Следовательно, слухи о том, что в прошлом барона есть какое-то темное пятно, не безосновательны? — тихо заметил Георг. — Мне не раз случалось слышать подобные намеки, но история не получила огласки, и в Равене все видят энергичного, неумолимого представителя власти.

— Ренегаты всегда становятся самыми беспощадными преследователями покинутой веры, — мрачно произнес Бруннов, — а Арно Равен всю жизнь отличался каким-то роковым, пламенным,

всепожирающим честолюбием. Оно, собственно, было двигателем всех его поступков. Он с ранних лет мечтал о власти и величии, жаждал господствовать, повелевать, и это его желание теперь исполнилось. Карьера Равена почти беспримерна. Из тьмы и бедности он, ступенька за ступенькой, поднимался от отличия к отличию. Он стал зятем министра, любимцем которого был уже давно, добился баронского звания и теперь управляет одной из наиболее важных провинций страны. Он поднялся на высоту, о которой некогда только мечтал.

Однако меня, попавшего благодаря ему в тюрьму и ссылку, проведшего жизнь, полную разочарований, и на пороге старости вынужденного вести борьбу за существование, — меня не обманет его величие. Оно стоило Равену чести.

Бруннов оборвал свою речь и прошелся несколько раз взад и вперед, чтобы овладеть собой. Наконец он опять подошел к Георгу и снова начал:

— Я много лет не касался этой темы, но с вами хочу быть откровенным. Вы не принадлежите к тем людям, в которых, как в слепых и покорных орудиях, так нуждается Равен и которых он только и терпит возле себя. Поэтому, я думаю, наступит час, когда вам придется отказать ему в повиновении, если вы захотите отстоять свои убеждения и свою честь. Будьте тверды, Георг! В том противоречивом чувстве, которое вы питаете к этому человеку, звучит удивление перед ним, и это мне слишком хорошо понятно. Равен всегда обладал

какой-то демонической властью над всеми, кто соприкасался с ним; вы тоже не можете совершенно избежать ее, потому я и счел нужным рассказать вам все о Равене. Теперь вы знаете, кто он такой...

— Так я и думал! Они опять увлеклись политической или своими обычными бесконечными дебатами! — раздался голос позади них. — Я ищу тебя, Георг, по всему дому... Здравствуй, отец!

Молодой человек, подошедший к ним с этими словами, был несколько моложе Георга, но выше и плотнее, а его свежее открытое лицо, ясный взор и густые белокурые волосы были очень привлекательны. Пытливо взглянув на раскрасневшееся лицо доктора, он продолжал:

— Тебе не следует так горячиться в разговоре, отец. Ведь ты знаешь, как вредно это действует на тебя! Да, кроме того, я вижу, ты слишком напряженно работал сегодня.

Он подошел к стоявшему на веранде столу, заваленному книгами и бумагами, и начал перелистывать рукописи.

— Оставь, Макс! — нетерпеливо сказал доктор. — Вместо того чтобы заняться глубоким научным исследованием, ты только производишь беспорядок в рукописях.

— Потому что у меня нет времени на эти исследования. Молодой врач, больничный ассистент, не может позволить себе целыми днями корпеть над книгами. Ты же знаешь, что я по горло завален работой.

— Время нашлось бы, недостает лишь охоты!

— Пусть будет так — недостает охоты. Я предпочитаю врачебную практику и полагаю, что с ее помощью пойду не менее далеко.

— Разумеется, не дальше, чем влечет тебя твое честолюбие, — с нескрываемым пренебрежением в голосе отозвался старик Бруннов. — Во всяком случае, ты приобретешь обширную практику и будешь смотреть на свое призвание как на прибыльное ремесло.

Макс, явно борясь с поднимавшимся в нем раздражением, тем не менее спокойно возразил:

— Разумеется, я постараюсь возможно скорее создать себе свою собственную практику. Ты мог сделать это уже двадцать лет назад, но предпочитаешь писать медицинские труды, которые кроме грошового гонорара в лучшем случае доставляют тебе известность в узком кругу специалистов. Вкусы различны.

— Так же различны, как и наши взгляды на жизнь вообще. Тебе ведь неизвестно, что значит жить ради науки и приносить себя в жертву ей.

— Я ни для чего не хочу жертвовать собой, — упрямо заявил Макс. — Я добросовестно исполняю свой профессиональный долг и считаю это вполне достаточным. Ты, отец, любишь бесцельное самопожертвование, я — нет.

— Оставьте, господин доктор, этого несправедливого реалиста! — вмешался в их спор Георг. — Я уже давно отказался от мысли обратиться к вам по пути истинный. А теперь не станем мешать вам

больше. Макс еще утром обещал пойти со мной в рощу на прогулку.

— Теперь, в обеденное время? — удивился доктор. — Почему не позже?

На лице молодого Винтерфельда отразилось легкое смущение.

— Потом придется заняться сборами в дорогу, а мне хочется еще раз насладиться видом озера и гор. Разлука с ними будет для меня тяжела.

— Охотно верю! — со странным, почти злым выражением подчеркивая слова, заметил Макс, но тотчас умолк, заметив сердитый и в то же время просительный взгляд своего друга.

Бруннов, видимо, не придал этому обмену словами и взглядами важного значения и, кивнув на прощание, отправился к своему рабочему столу. Молодые люди сошли в сад; Макс отворил калитку, и они зашагали вдоль берега озера.

Несколько времени друзья молча шли вперед. Георг казался серьезным и сосредоточенным, молодой врач был явно в дурном расположении духа, равным образом вызванном как недавним разговором с отцом, так и близким отъездом друга.

— Итак, это последний день твоего пребывания здесь, — наконец произнес он. — Да, впрочем, что мне в том, как и во всем твоём посещении? Полдня ты декларируешь с моим отцом взгляды на положение вещей в нашем любезном отечестве вообще и о диктаторской власти Равена в частности; когда же мне посчастливится отвлечь тебя от политики, ты злоупотребляешь моей дружбой,

заставляя меня в полдень, при тридцати градусах по Цельсию, стоять на часах... Нечего сказать, приятный гость!

— Что за выражение! — попрекнул его Георг. — Я лишь просил тебя...

— Позаботиться о том, чтобы никто не помешал твоей — разумеется, совершенно случайной — встрече с баронессой Гарднер. По-моему, это и значит «стоять на часах». Сколько же таких «случайных» встреч у вас уже, собственно, было с моим участием и без него? Берегитесь, как бы мамаша не проследила эти совместные прогулки!

— Ты ведь знаешь, что мой отпуск кончается и что завтра мне нужно ехать, — коротко ответил Георг.

— И потому сегодня свидание продлится особенно долго! — вздохнул Макс. — Прости, Георг, вам, понятно, очень интересно, когда при солнце ли, при луне и звездах вы клянетесь в верности друг другу, но для непричастного человека это крайне скучно, особенно при сегодняшней температуре.

Между тем молодые люди достигли группы каштановых деревьев, покрывающих своей тенью лужайку на берегу озера — излюбленное место прогулок горожан. Отсюда открывался великолепный вид на озеро и горы во всей их красоте. В этот знойный полуденный час уединенный уголок был совершенно пуст.

Георг опередил своего друга и стал выжидательно осматриваться кругом — никого не было.

Макс медленно брел за ним. Наконец он подошел к могучему каштану, вздымавшемуся на самом выгодном для обозрения ландшафта месте, и опустился на траву. Он расположился поудобнее и не то с насмешкой, не то с состраданием стал наблюдать за своим другом, обнаружившим почти лихорадочное беспокойство.

— Скажи, пожалуйста, Георг, что, собственно, может выйти из твоего романа? — снова начал Макс после продолжительного молчания.

— Я уже не раз просил тебя не говорить об этом в таком тоне!

— Разве я недостаточно деликатно выразился? По-моему, в твоей любви немало романтического. Молодой чиновник мещанского происхождения, без всяких средств, и высокороденная баронесса и будущая наследница... тайные свидания, неизбежный протест всей семьи... борьба и волнения без конца... Поздравляю тебя с прекрасной перспективой! Я считаю такую ситуацию слишком неудобной.

— Охотно верю, — с легкой насмешкой ответил Георг, — но, милый Макс, ты плохой советчик в подобных вещах.

— Потому что обладаю совершенно прозаической натурой. Это для меня уже не ново. Отец довольно часто дает мне понять, что мне недостает идеалистического направления. Я не принадлежу к избранным натурам, как ты, например. Ты гораздо больше по вкусу моему отцу, и, мне кажется